

не следует. Большие трудности порождает группа писем, адресованных севасту, сыну севастократора: севастократор — это Исаак, брат Алексея I. Но кто из его сыновей имеется в виду? В одном случае адресат прямо назван Иоанном, в другом — Константином; Маслев, расходясь с В. Н. Златарским, полагает, что не названный по имени сын Исаака был Иоанном (с. 49—59). Не претендуя на решение спорного вопроса, я хотел бы отметить, что одно из писем этой группы (PG, t. 126, col. 533 C sq.) отличается эпитетами, приложенными к адресату (например, ἡ εὐγενεία σου — col. 536 A), и содержанием: Феофилакт просит адресата о защите церковных владений перед царем. Можно ли считать, что оно было направлено иному лицу, чем остальные послания этой группы? В этой связи следует вернуться к одному из писем, адресованных кесарю, где Феофилакт выражает соболезнование по поводу смерти «несравненного севастократора» (col. 377 B sq.). Не было ли оно адресовано одному из сыновей Исаака? ³

Маслев располагает письма по группам в хронологической последовательности: первые впечатления от прибытия в Охрид (около 1090 г.), первый обмен письмами с близкими в Константинополе, борьба за автономию Охридской архиепископии (около 1090—1092 гг.), попытки отстоять сел. Могила и другие земли архиепископии (1091—1094), путешествие в Константинополь и Никомидию (1094), наступление жупана Рашки Волкана на византийские владения (1094), I Крестовый поход (1096—1097), борьба против фискальных чиновников и недовольных болгар в 1097—1105 и в 1105—1106 гг., попытки облегчить податное бремя духовенства в 1097—1105 гг., столкновения с клиром (около 1100, 1103 и 1108 гг.), путешествие в лагерь Алексея I (1107—1108), тяжелые меры податных, административных и военных властей в период войны с Бозмундом (1107—1108), крещение армян (около 1108 г.), смерть севастократора Иоанна Комнина (после 1109—1111 гг.) (с. 84). Периодизация очень удобная — следует только подчеркнуть, что в обеих Ватиканских рукописях (432 и 509), равно как и в Будапештской, письма Феофилакта расположены в одинаковой последовательности, которая отнюдь не совпадает с гипотетической последовательностью, конструируемой Маслевым. Уже пора оставить старую и путаную нумерацию писем (по Ламию, Меурсию и Финети), но чем ее заменить? Последовательностью рукописной традиции (как это сделано в издании Николая Мистика) или хронологической последовательностью? Ответ на этот вопрос совсем не простой.

A. K.

W. Hörandner. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974 («Wiener byzantinistische Studien», XI), 605 S.

Почти через 70 лет после высказанного (но не осуществленного) намерения С. Д. Пападимитриу приступить к публикации всех произведений Феодора Продрома¹ вышло первое полное критическое издание «Исторических стихотворений» византийского литератора, подготовленное учеником Г. Хунгера Вольфрамом Хэранднером. Под «Историческими стихотворениями» понимаются поэтические произведения историко-биографического содержания, относимые Хэранднером к собственно Феодору Продрому, поэтому сюда не входит, например, «манганский цикл» или народноязычные стихи, не принадлежащие, по Хэранднеру, Продрому. Таким образом, в издании помещены 80 произведений, многие из которых публикуются впервые: описание торжественного возвращения Иоанна II Комнина после взятия Кастамона (№ 6), стихи к Иоанну после его похода на киликийцев, парфян, сирийцев, «персов» (№ 11) и др. (№ 35, 36, 37, 43, 68, 73, 76, 77, [80]). Некоторые произведения были известны до сих пор лишь в небольших фрагментах (№ 50, 57, 63, 74). Переиздание уже печатавшихся сочинений проведено с привлечением большого количества рукописей, сохранивших сочинения византийского писателя.

³ Митроп. Симеон («Писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ български». — Сб. БАН, кн. XXVII, клон. ист.-филол. 15. София, 1931, с. 59) безоговорочно считает кесарем Константина.

¹ Пападимитриу С. Д. Феодор Продром. Одесса, 1905, с. 404.

Во введении автор публикации указывает более 500 манускриптов с перечислением произведений Феодора Продрома и приводит краткое описание 34 списков собственно «Исторических стихотворений», положенных в основу настоящего издания. Рукописная традиция этих сочинений представлена в виде нескольких стемм (с. 135—174). В вводном разделе также анализируются словоупотребление, риторические обороты, синтаксические и грамматические особенности языка издаваемых произведений, метрика стихов (с. 111—133).

Издание каждого стихотворения (с приведением параллельных мест, литературных аллюзий, стереотипов) предваряется изложением его содержания и заключается комментарием, посвященным вопросам хронологии, реалиям, просопографии, словоупотреблению и терминологии. В некоторых случаях, правда, комментарии кратки и отдельные вопросы — толкование встречающихся в тексте этнонимов и др. — обойдены. Например, интересна интерпретация непрокомментированного места по случаю рождения Алексея — сына севастократора Андроника Комнина (№ 44.112). В этом произведении при перечислении народов, подвластных Византии и опасавшихся ее, упоминаются «галаты». Не так давно было высказано предположение, что здесь имеется в виду Галицкая Русь². Если это так, то перед нами — уникальное свидетельство о каких-то событиях в истории русско-византийских отношений в первой половине XII в. Думается, однако, что нет оснований для локализации «галатов» Феодора Продрома (см. также № 1.91—95; № 4.225) недалеко от области «скифов» и страны далматов: порядок перечисления этносов у Продрома в этом и других пассажах не связан жесткой системой — вместе с «мидийцами» и «персами» — «кельты», рядом с «кельтами» упоминаются арабы и жители Подунавья и т. д. К тому же в византийских источниках XII в. для наименования как Галицкой Руси, а также рашской крепости Галич существовал топоним Γάλιτσα (Cinn., 102.24; 232.7; N. Ch. 168.17; 171.5; 172.7; 172.18). Конечно, при заимствовании русское название могло изменить свой облик в византийском тексте; но естественнее думать, что под «Галатией» здесь имеется в виду малоазийская территория (ср. с. 133). Такое значение этого термина зафиксировано в памятниках XII в. (например, Cinn., 288.8; 291.16). Впрочем, возможно, что выражение *Γαλάται καὶ Γαλάται*, неоднократно встречаемое у Продрома, — просто общее место его энциклопедии.

Следует отметить, что издание Хэрэнднера имеет и принципиальное значение: оно ведет к систематической публикации сочинений Феодора Продрома: в книге представлена классификация всех известных ныне продромовских произведений (с. 37—72). Последняя работа такого рода, предпринятая Паладимитриу, дала основу лишь для *сводного*, а не систематического изучения литературного наследия Продрома. Все 250 фиксируемых Хэрэнднером продромовских сочинений делятся на три группы: 1) подлинные сочинения Феодора Продрома; 2) сочинения, аутентичность которых сомнительна; 3) произведения, атрибуция которых Феодору Продрому неправомерна. Внутри этих групп проводится деление тематическое (сочинения исторические и биографические, богословские, философские, риторические и т. д.) и жанровое (стихи, речи, письма и т. д.). Конечно, данные Хэрэнднера будут в дальнейшем уточняться, новые исследования и публикации внесут свои коррективы, но важно то, что в рецензируемой работе сделана попытка объединить последние наблюдения, полученные в результате изучения отдельных продромовских произведений.

Систематический подход к литературному наследию Феодора Продрома позволяет дать цельный анализ его жизненного и творческого пути. Однако такой анализ, видимо, еще впереди. Пока же издатель счел целесообразным дать во введении суммарный очерк биографических сведений о Продроме — отчасти самостоятельный, в основном же в русле имеющейся историографической традиции (с. 21—35). Такой путь в известной степени оправдан и без того большим объемом книги, но здесь встречаются и свои трудности. Рождение писателя Хэрэнднер относит к началу XII в. (1100±4), и это согласуется с последними исследованиями.

² Каждан А. П. Два новых византийских памятника XII столетия. — ВВ, XXIV, 1964, с. 77.

Что же касается происхождения Феодора Продрома, его родни, то здесь пересказ устаревших положений Пападимитриу явно неудовлетворителен (с. 23—24). Как известно, в ямбах против Вариса Продром говорит о своих предках, которые его воспитали: деде, который носил имя Продрома, т. е. Предтечи, и дяде, который именовался Христом и был епископом Русской земли (№ 59.183—191). Последний был отождествлен Пападимитриу с киевским митрополитом Иоанном II. В научной литературе не только отмечена натянутость принятого Хэрэнднером перетолкования текста Э. Курцем («воспитан отцами»), но и доказана неоправданность идентификации Пападимитриу: дед Продрома должен был носить имя Мануил; неизвестно, звали ли его Продром; в тексте указывается только, что дед прозывался именем Предтечи, а это, кстати, могло означать — Иоанн³. Таким образом, отпадает одна из важнейших посылок для доказательства ранней даты рождения Феодора Продрома (70-е годы XI в.).

По мнению Хэрэнднера, самым ранним из издаваемых им сочинений следует считать стихи на коронование Алексея Комнина — старшего сына василевса Иоанна II, датируемые 1122 г. (№ 1; см. с. 182)⁴. Относительно даты смерти писателя Хэрэнднер высказывается осторожно, воздерживаясь от категорических заключений, — он останавливается на времени между 1154 и 1158 гг. (с. 32). Но следует отметить существование и другой точки зрения, а именно — что Продром дожил примерно до 1170 г.⁵

Если жизненный путь Феодора Продрома, атрибуция его произведений, анализ их сведений по византийской истории являлись традиционным предметом продромовских исследований, то вопрос о социальных и эстетических воззрениях писателя, литературного значения его произведений поставлен сравнительно недавно. В этом плане закономерен раздел книги Хэрэнднера, посвященный функции издаваемых сочинений, анализирующий их идейное содержание (с. 73—109). Особенно важными здесь являются данные для характеристики представлений об императорской власти в Византии (Kaiseridee). Результаты, которые могут быть получены на основе исследования издаваемых материалов, соответствуют существующим на сегодняшний день представлениям о мировоззрении Феодора Продрома, придворного поэта, славословящего и идеализирующего императора, его деяния. Такой вывод, вытекающий из анализа сочинений Продрома, в целом, видимо, справедлив. Однако, имея возможность исследовать всю совокупность элементов образной системы писателя, рассмотреть эти элементы на уровне метафор, сравнений, в потоке риторических тропов, мы можем взглянуть на его произведения под несколько иным углом зрения.

Сказанное относится к цветовой символике, занимавшей важное место в ряду мировоззренческих категорий у византийцев. Роль пурпура и золота как царских цветов в хроматической иерархии общеизвестна. И у Феодора Продрома можно найти много примеров традиционного значения этих цветов. Но несколько стандартные связи нарушаются. Пурпур — цвет императорской власти — в превращенном виде становится цветом крови. При описании триумфального шествия Иоанна Комнина после взятия Кастамона выразительно зримо представлена четверка белоснежных коней, ведущих колесницу; контрастно выделяются на белом фоне поводья багряного цвета. Писатель вводит для сравнения экфразу: это зрелище напоминает голубку, растерзанную орлом над белеющей скалой, окропленной кровью жертвы, — так же на белейшей коже лошадей царской колесницы горят багровые поводья. Кони покрыты алыми попонами (№ 6.83—97). Возникает настолько торжественное, сколько напряженное, даже трагическое ощущение: конкретность и какая-то человечность описания гибели голубки от «острых ногтей стремительного» хищника создают образ, переносимый невольно на объект сравне-

³ Каждан А. П. Указ. соч., с. 66—67.

⁴ Хэрэнднер не дает точной даты свадьбы Алексея — сына Никифора Форвина, которой посвящено одно из «Исторических стихотворений» (№ 43; см. с. 403). Эпиталям по этому случаю считались первыми произведениями Продрома (1118).

⁵ Каждан А. П. Указ. соч., с. 68.

ния не только в отношении зрительного, но и глубинного эмоционального содержания.

Или неоднократно встречаемый в византийской литературе мотив царской порфиры, обогрешенной кровью варваров. Сам по себе этот символ является тоже традиционным элементом *Kaiseridee*, знаменуя торжество императора над нечестивыми (например, № 31а, 1—6; № 44.174—176), но своеобразная возвышенность образа снижается конкретностью и наглядностью описания безжалостного истребления «персидских» жителей — детей и женщин — ромейским оружием (№ 11.201—210). Казалось бы, здесь нет ничего необычного — стереотипные темы, банальные слова; но различие в эмоциональном контексте при сравнении двух планов приводит к эффекту внутренней противоречивости описания и оценки. У Никиты Хониата функционирование цветовой системы осуществлялось по близким, но несколько другим направлениям — по линии словоупотребления⁶. У Продрома же личный элемент вообще сведен к минимуму: он — в области языковой и речевой формы (ср. также № 11.51—67, 211—220; № 15.1—10, 81—90). Отрицательный смысл нигде внешне не проявлен. Но за прямыми словесными декларациями не улавливается ли нечто, не совпадающее с высказываемыми формулировками? Такой эффект возможен вне сферы словесного выражения — он может получиться и неосознанно, вопреки идейной установке автора. И в этом случае важно уловить внутреннее чувство, эмоциональный подтекст.

Эти замечания в высшей степени гипотетичны. И все же хотелось бы поставить вопрос о возможности иного осмысления творчества Феодора Продрома. Подход к Продрому как к творческой личности, самостоятельно мыслящей и по-своему выражающей идеи, уже определен в византийстике⁷.

Сейчас В. Хэранднер готовит издание речей и писем Феодора Продрома. Новая работа, несомненно, даст материал для дальнейших доказательств, наблюдений и уточнений.

М. В. Бибиков

Два памятника поздневизантийской литературы

Mazaris' Journey to Hades. Greek Text with Translation, Notes, Introduction and Index by Seminar Classics 609. State University of New York at Buffalo. «Arethusa», 1975, XXXVIII+134 p.

A. Byzantine Iliad. The Text of Par. Suppl. Gr. 926. Edited with Critical Apparatus, Introduction and Indexes by L. Nørgaard and O. L. Smith. «Museum Tusulanum». Copenhagen, 1975, 75 p.

«Путешествие в ад» Мазариса — давно известный памятник византийской литературы XV в. На русский язык оно было переведено С. П. Кондратьевым и опубликовано в ВВ, XIV, 1958, с. 318—357 с обширной вводной статьей Т. М. Соколовой. Новое издание выполнено группой американских филологов в составе: Дж. Барри, М. Шеа, Э. Смесиз и Л. Вестеринк. В отличие от первых изданий, основанных на Парижской рукописи, американские издатели привлекли также Берлинскую рукопись (Berol. gr. 173) XV в., дающую существенные разночтения. Третий манускрипт Мазариса (Urb. gr. 134, XV в.) — явная копия Парижской рукописи, не отличающаяся от нее ничем существенным; он привлекается лишь в редких случаях — там, где выпели чернила в заголовках Парижского списка.

Текст сопровождается английским переводом и комментарием. Во введении Э. Смесиз характеризует ситуацию в Византии на рубеже XIV—XV вв., ставит вопрос об авторе «Путешествия» и о содержащихся в «диалоге» исторических данных. Скудость и неопределенность свидетельств Мазариса не позволяют сделать сколько-нибудь существенные новые выводы о положении в Пелопоннесе. Как известно, Мазарис рисует в самом черном свете и пелопоннесских «топархов» («баронов», как передают этот термин переводчики), и столичное чиновничество. Что это —

⁶ Каждан А. П. Цвет в художественной системе Никиты Хониата. — В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973, с. 132 сл.

⁷ Hunger Н. Der byzantinische Katz-Mäuse-Krieg. Graz—Wien—Köln, 1968, S. 51 ff.